
ПРАВА ИНДИВИДА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ, РИСКИ И ВЫЗОВЫ*

Напсо М. Б.**

Статья посвящена рассмотрению отдельных аспектов реализации информационных прав индивида в условиях цифровой трансформации общества. В центре внимания автора проблематика глобальной деградации достоверности информации, риски произвольного обращения с информацией, ее модификации и конструирования, свободное накопление, а также их причины и следствия. Свободный оборот информации ложного содержания ведет к снижению уровня социального доверия и индивидуальной, общественной безопасности, ущемлению прав и законных интересов индивида. Автор убежден, что при реализации информационных прав следует исходить не только из принципа индивидуальной свободы, но и из принципа достоверности информации, соблюдения прав иных лиц, защиты общественных и государственных интересов. Введение и применение механизмов защиты от определенного контента должно быть обосновано характером и масштабами угроз и правовым признанием той или иной информации вредоносной. Итогом рассмотрения проблематики стал вывод о необходимости правового закрепления принципа достоверности информации и введения права индивида на достоверную информацию на основе целостной социально-правовой концепции регулирования отношений в сфере информации.

Ключевые слова: информационное общество, недостоверность информации, базы данных, фейк, модификация информации, информационные права, информационная безопасность.

INDIVIDUAL RIGHTS IN THE FIELD OF INFORMATION: MODERN REALITIES, RISKS AND CHALLENGES

The article considers the certain aspects of the realization of information rights of the individual in the conditions of digital transformation of society. The author focuses on the problems of global degradation of information reliability, the risks of arbitrary handling of information, its modification and construction, free accumulation, as well as their causes and consequences. Free circulation of

---

* **Для цитирования:** Напсо М. Б. Права индивида в сфере информации: современные реалии, риски и вызовы // Век глобализации. 2024. № 1. С. 60–71. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.05.

For citation: Napso M. B. Individual Rights in the Field of Information: Modern Realities, Risks and Challenges // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 1. Pp. 60–71. DOI: 10.30884/vglob/2024.01.05 (in Russian).

** Напсо Марьяна Бахсетовна – д. ю. н., профессор Северо-Кавказской государственной академии. E-mail: napso.maryana@mail.ru.

Maryana B. Napso – Dr. Law, Professor of North Caucasian State Academy. E-mail: napso.maryana@mail.ru.

false information leads to a decrease in the level of social trust and individual, public safety, infringement of the rights and legitimate interests of the individual. The author is convinced that when realizing information rights, one should proceed not only from the principle of individual freedom, but also from the principle of reliability of information, respect for the rights of other persons, protection of public and state interests. The introduction and application of protection mechanisms against information of certain content should be justified by the nature and scale of threats and the legal recognition of this or that information as malicious. In the conclusion the author suggests the need for legal consolidation of the principle of reliability of information and the introduction of the individual's right to reliable information on the basis of a holistic socio-legal concept of regulating relations in the field of information.

Keywords: *information society, unreliability of information, databases, fake, modification of information, information rights, information security.*

Информация, приобретшая характер стратегического ресурса, коммуникационная революция, переход личной, деловой, общественной жизни в цифровое пространство и цифровое измерение, появление «нового способа производства» – «информационной экономики, специфическое звено которой – процесс создания и обработки информации», – все это особенности глобализации на современном этапе [Бехманн 2010: 34]. Информационное общество эпохи цифры в корне изменило статус и значение информации, значительно расширило ее возможности, придав ей характер важнейшего фактора влияния. В качестве последнего она имеет сильное воздействие на общественное, массовое и индивидуальное сознание, на формирование личного и общественного мнения во всех его аспектах. В современных условиях общественное и индивидуальное сознание имеет не только социальное измерение, но и цифровое как объект воздействия посредством информации, массовых коммуникаций, технологий. Бурное развитие отношений нового вида – информационных – оказывает системное трансформирующее, деформирующее, модернизирующее воздействие на все уровни общественного сознания. В новых реалиях формируются новые доминанты, в числе которых: «активное внедрение цифровых технологий во все сферы общественной жизни, ...активный переход на дистантные формы общения в ущерб непосредственным и личностным контактам, усиление контроля за поведением и личной жизнью граждан, возрастание возможностей манипулирования общественным сознанием» [Чумаков 2020а: 12].

После длительного пребывания в состоянии устойчивости, предсказуемости, простоты и определенности – в мире SPOD (*steady, predictable, ordinary, definite*) – человечество перешагнуло в мир VUCA (*volatility, uncertainty, complexity, ambiguity*). Его непостоянство, неопределенность, сложность и неоднозначность подразумевают не только скорость изменений, растущее число факторов влияния, влекущие объективные сложности при анализе и прогнозировании, но и наличие множества смыслов. Отличительными особенностями современного познания стали неопределенность, неполнота, неverifiedируемость, парадоксальность, фрагментарность как следствия свободы индивида в восприятии, понимании и интерпретации реальности. Существенное значение теперь имеет не только она как

таковая, но и существование, отражение в ней личности самого субъекта, его личностного отношения к миру в формах, не имеющих ограничений.

Факторы, этому способствующие, – природа самого цифрового пространства и философия постмодернизма. Массовость, общедоступность, неограниченные возможности самовыражения, получения информации и ее генерирования в различных формах, с одной стороны, и «акцент на свободу субъекта», его «включенность в объект» – с другой. Теперь «субъект не противопоставляется объекту, не выступает в качестве объективного наблюдателя... объект уже не объективная реальность, а “культурный текст”, ...то есть человекоразмерен... Если субъект включается в предметность познаваемого мира, то получаемое знание несет в себе в первую очередь содержание самого субъекта... Истина утрачивает свою фундаментальность и однозначность». Плюралистичность мира формируется ценной «отказа от объективности истины», «локальные истины», значимые для отдельных индивидов, групп, замещают знания, адекватно отражающие действительность [Пыхтина 2012: 290, 293]. В результате этого утвердилось мнение о том, что изложение недостоверной, неподтвержденной, недоказанной информации – это не ложь, а частное мнение индивида, его понимание, созданный им образ, на что каждый имеет полное право. Информационное пространство пересыщено частными мнениями, непрофессиональными рассуждениями всех обо всем, разного рода альтернативными гипотезами и теориями, не претендующими на истинность, но имеющими право на существование. Сродни такому отказу от достоверности и утвердившийся отход от реализма в литературе, искусстве, преобладание жанра фэнтэзи, а также тиражирование околонучных, псевдонаучных воззрений, магической и иной оккультной теории и практики. Они смешали реальность и вымысел, зачастую не просто подменяя первую вторым, а утверждая второй в качестве истины. И, как следствие, – готовность во все поверить, бегство от реальности в общественном сознании и поведении. Яркость, зрелищность, выразительность и запоминаемость вымышленных образов, поражающих сознание, постоянная смена одного образа другим, их воспроизводство в рекламе, продукции, а затем и в потребностях и предпочтениях формируют не только вполне определенную субкультуру, но и мировоззрение. В результате человеческие глаз и ухо стали менее восприимчивы к сухому языку фактов в их научном изложении, эмоциональное восприятие возобладали над логическим, примитивные, легкоусваиваемые конструкты – над сложными. Используемые слова перестают выражать истинную природу и свойства личности, предмета, явления, события, вследствие чего теряют свое смысловое наполнение.

Оперирование образами наравне с фактами и даже как фактами, целенаправленное создание тех или иных образов, в том числе и на основе фактов, – всеобщая тенденция. В свое время А. Камю в принесшей ему Нобелевскую премию повести «Посторонний» блестяще показал, как манипулирование достоверными фактами и эмоциональным их восприятием может создать ложный образ: «Все правильно, и все вывернуто наизнанку!» [Камю 2000: 183]. Такие технологии весьма востребованы в наши дни в целях, в частности, демонизации, и не только индивидов. Например, «культура отмены» – этакая «камера плевков» того же А. Камю (повесть «Падение»), когда лицо узника, втиснутого в каменный ящик таким образом, что он не может утереться, «орошает обильным плевком» каждый

тюремный сторож [Камю 2000: 540]. В современных условиях массированная и особым образом поданная информация о единичном неблагоприятном поступке отдельно взятого лица способствует не только выявлению аналогичных фактов и противодействию им, но и формированию идей, трендов, поведенческих стереотипов. Утверждаемые таким образом воззрения в дальнейшем используются как факт, не требующий доказательств. Быстрое и легкое восприятие информации обеспечивается жанром откровения, стремительностью инфопотока и его эмоциональным наполнением, что способно в одночасье сгруппировать индивидов вокруг идеи, сформировать тренд. На их основе вырабатываются и внедряются обязательно разделяемые требования – как форма проявления политкорректности, несогласие с которыми чревато все теми же проявлениями «культуры отмены». История движений под хэштегами “MeToo” и “Black Lives Matter” (а затем, в противовес последнему, и “White Lives Matter”), под лозунгом «Мы за разнообразие» – ярчайший тому пример. Так массированное информационное нашествие способно придать мощный импульс развитию той или иной идеологии и на какое-то время – для достижения определенной цели – обеспечить власть разделяющего ее меньшинства над большинством.

Отдельно взятому индивиду крайне сложно своими собственными усилиями противостоять таким реалиям цифровой эпохи, как организованный вброс информации, информационная атака, информационная травля, инфодемия. Производство и тиражирование слухов, домыслов, сфабрикованных обвинений, сенсаций стали часто используемым механизмом воздействия, давления и подавления. Эффект рассчитан на то, что лицо, первым вбросившее информацию и поддерживающее ее в актуальном состоянии, оказывается в значительно более выгодной ситуации. По той простой причине, что физические и юридические лица, оказавшиеся объектами целенаправленных информационных нападков, попадают в ситуацию постоянного пристального внимания: они вынуждены по каждому поводу давать объяснения и опровержения, доказывать свою невиновность и непричастность. В итоге, как стало модным говорить, «изгою не оправдаться». Даже если поднятая информационная волна схлынет без каких бы то ни было последствий, нет никаких гарантий того, что ситуация не повторится: в информационном пространстве всегда остается след присутствия информации, – а значит, опасность ее использования в различных вариациях бесконечно долго вполне реальна. Как следствие индивид пребывает в ситуации вечной неопределенности, беспокойности, страхов и опасений. Это осложняется тем, что возможностей в правовом порядке привлечь к ответственности за причинение подобного рода «неудобств» практически нет, особенно в том случае, когда ложь тонко вплетена в ткань истины. Произвольное накопление свободно курсирующей информации и ее длительное хранение таит в себе много опасностей. Главная из них заключается в том, что со временем утрачивается первоначальный контекст появления информации, последнюю можно использовать безотносительно к ее первоисточнику, что искажает ее истинный смысл. Привычная фраза о том, что «источник забывается, а информация остается», в современных условиях приобретает совершенно иной характер. Цифровые технологии, зафиксировав информацию и обеспечив ее длительное хранение, предоставляют неограниченные возможности для ее свободной модификации, в первую очередь путем использования информации в «чистом»,

абстрагированном от контекста появления виде. Имеющиеся правовые механизмы никоим образом не защищают индивида от всякого рода произвольного обращения с информацией.

Технологии эпохи цифры утверждают господство всего того, что не требует достоверности, – частного мнения, или замещает реальность фантазиями, клонами, аватарами, сконструированными фейками, а также не требует физического участия, присутствия, соучастия, то есть реального действия. Информационное общество эпохи цифры – это типичное общество потребления со всеми его атрибутами, и не только в силу растущих в геометрической прогрессии объемов генерируемой и поглощаемой информации. В свое время Ж. Бодрийяр сказал, что «люди в обществе изобилия окружены не столько, как это было во все времена, другими людьми, сколько объектами потребления». Аналогия с информационным обществом более чем очевидна: здесь люди окружены не столько людьми, объектами материального мира, явлениями, событиями, сколько все растущей информацией обо всем этом. Это «ненасытное требование... быть там, не будучи там»: массовые коммуникации дают индивиду не действительность, они придают ей «головокружительную убедительность». Среда массовых коммуникаций – это место, «где ничего не происходит». В итоге индивид живет под «покровом знаков и в отказе от действительности», дистанцировавшись от нее, получает лишь «краткое вторжение действительности», намек на нее, ее образ. В случае с информацией, льющейся отовсюду и неизменно потребляемой, действует все та же «очевидность излишка». Она проявляется в постоянном стремлении всех и каждого поведать обо всем увиденном, описать все прочувствованное, запечатлеть увиденное, пересказать услышанное, прокомментировать мнения и поступки других, отреагировать на реакцию других на собственные воззрения и действия и т. д. Вывод о том, что сущность общества потребления – в расточительном расходовании и потреблении излишка, избытка, абсолютно справедлив и для информационного общества, как и утверждение о том, что именно «издержки ни на что» становятся фактором ценностей, различий и смысла – как в индивидуальном, так и в общественном плане. Информационные продукты, как и культурные, не имеют предела поглощения, эта система «питания» бесконечна еще и в силу того, что она функционирует, втягивая во взаимодействие множество лиц. Информация приобрела характер стратегического ресурса, своего рода богатства, не в силу ее ценности как таковой, а именно благодаря исключительным возможностям по ее обмену, чего нет у других вещей: обмен информацией безграничен, а цикл обменов бесконечен. В системе производства и потребления информационных продуктов действует тот же закон, что и в современной экономике: инициатива и власть в сфере потребностей принадлежат не потребителю, а производителю. Именно он порождает и внедряет потребности, формируя спрос на них, «контролирует поведение на рынке, управляет социальными позициями и потребностями и моделирует их. Это ведет... к тотальной диктатуре производственной системы» [Бодрийяр 2020: 5, 8, 23, 34, 42–43, 45, 87, 94, 102, 109–110].

В силу этого намного упростился и ускорился процесс формирования симулякров – знаков и образов, оторванных по смыслу от конкретных объектов, явлений, событий, являющихся утратившими идентичность подделками, а также симуляций, ставших знаками и образами символов, приобретших самостоятельную

реальность [Кравченко 2004]. В мире симулякров и симуляций, где массовое и масштабное распространение суррогатных продуктов заменяет собой реальные вещи и утверждает иллюзию реальности, деятельности, творчества, нравственности и т. п., все и вся оказываются в большой опасности превратиться в одну из форм их проявлений.

Среди основных факторов широкого распространения искусственных конструкций ложного, частично ложного или тенденциозного характера не только наличие чисто технических возможностей, развитой индустрии технологий и практик, но и отсутствие эффективных механизмов противодействия и их, как правило, догоняющий характер. Обеспечение системы опережающего, в том числе и правового реагирования – задача не из легких в силу целого ряда причин. Во-первых, современные технологии, расширяя возможности индивидов, общества и государства, несут в себе немало ранее не свойственных рисков. Во-вторых, в условиях высокой рискогенности, массовости и новизны риск-явлений рост информационных прав и свобод сталкивается со столь же высоким уровнем их нарушения. В-третьих, при отсутствии целостной системы адекватных мер реагирования на первоначальном этапе неизбежно усиливается степень государственного вмешательства. Правовая мысль и правовая практика, «хотя и пытаются описать неосоздаваемые новые онлайн-явления и достичь четкости правовых норм, явно не успевают за цифровыми инновациями» еще и по той причине, что они «настолько стремительны и обладают всеобщим глобальным действием, что сегодняшние достижения в этой сфере становятся завтра уже “вчерашним днем”» [Алферова 2018: 157]. Именно скорость, быстрая сменяемость, масштабы, всеохватность происходящих изменений затрудняют процесс обеспечения качественной социально-правовой базы противодействия рискам недостоверности. Кроме того, она должна дополняться вариативностью, оперативностью, гибкостью общественного и правового реагирования. Главная сложность заключается в том, чтобы придать системе реагирования черты, свойственные самому информационному пространству, и противостоять возможностями самой цифровизации. В условиях, когда объективность и достоверность оказываются под давлением модификаций, видоизменений, вольных интерпретаций, исходным началом регулирования общественных отношений в сфере создания, распространения и использования информации должен быть последовательно реализуемый принцип достоверности информации. При этом риски недостоверности должны быть возложены в первую очередь на лиц, генерирующих и распространяющих информацию.

Все это наполняет основные информационные права, и главные из них – право на информацию и право на доступ к информации, – новыми смыслами. Право на информацию получило свое развитие в рамках права на свободу мнения. Оно эволюционировало от свободы сообщать объективные факты и распространять информацию без злого умысла (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, 65-е пленарное заседание, 1946 г.), дополненной свободным выражением своих убеждений, свободой искать, получать, распространять информацию, идеи независимо от государственных границ (Всеобщая декларация прав человека, 1948 г.) устно, письменно, посредством печати, художественных форм выражения и иным способом по выбору (Международный пакт «О гражданских и политических правах», 1966 г.) до полноценного права на информацию официального и массового

характера. Право на доступ к информации появилось как результат процессов демократизации в отношениях между индивидом и государством. Начавшись с права на получение доступа к официальной правительственной, правовой, судебной информации, затем к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в сфере реализации прав граждан, оно превратилось в право знать, иметь доступ к самому широкому кругу информации о деятельности государства. Поэтому изначально и по сей день отличительным свойством правового регламентирования права на доступ к социально значимой информации является действие принципов транспарентности, обязательности предоставления информации и ее достоверности. В Конституции РФ право на информацию лишь подразумевает в качестве одного из правомочий и право на доступ к информации (ст. 29). Иной подход мы обнаруживаем в ч. 1 ст. 34 Конституции Республики Беларусь, где прямо указано, что под правом на информацию понимается право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды [Конституция... 1994]. Здесь указано не только содержание права, но и принципы его реализации. Имея весьма важное значение, эти принципы не нашли отражения и в ст. 8 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», раскрывающей содержание права на доступ к информации: граждане и организации «вправе осуществлять поиск и получение любой информации в любых формах и из любых источников при условии соблюдения требований» [Федеральный... 2006] законодательства РФ.

В современных условиях реализация основополагающих информационных прав несет в себе вполне определенные риски. Главный из них кроется в разности характера и подходов правового регулирования различных информационных прав, что приводит к их противопоставлению друг другу. Право индивида в сфере информации основано на принципе индивидуальной свободы, в то время как его право на доступ к информации общественно-значимого характера, предоставляемой гражданам органами государственной власти и местного самоуправления и иными уполномоченными органами, основано на принципах открытости, транспарентности, достоверности. Конституционные нормы о полноте, достоверности, объективности информации, своевременности ее предоставления касаются именно второго, хотя концепции национальной и информационной безопасности подразумевают достоверность информации применительно ко всему информационному массиву. Можно констатировать, что в части требования достоверности право на информацию входит в определенное противоречие с правом на свободу мнения, в ходе реализации которого генерируются куда больший объем и разнообразие информации. Правовые механизмы защиты личных, общественных, национальных и государственных интересов посредством обеспечения безопасности от информации ложного, противоправного, запрещенного, антигуманного характера входят в противоречие с правом индивида на информацию и на свободу мнений. В частности, эти права нарушаются при блокировке сайтов в отсутствие на то достаточных оснований. Растущее число фактов отключений от Интернета, замедления трафика (в случае несанкционированных массовых протестов, прояв-

лений экстремизма и терроризма), запретов на использование Интернета в целом для определенной категории лиц способствовали становлению нового права – права на доступ к Интернету. Согласно всем современным резолюциям, право на информацию прежде всего подразумевает право использования Интернета для получения знаний, образования. Поэтому даже правомерное ограничение доступа к Интернету может быть истолковано как нарушение права индивида на его использование в образовательных целях, в целях саморазвития. В условиях таких противоречий Совет ООН по правам человека придерживается позиции последовательной защиты прав индивида, несмотря на очевидные риски неограниченной свободы оборота недостоверной и вредоносной информации. В его резолюции 32/14 от 27 июня 2017 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» [Резолюция... 2017], равно как и в прежней резолюции Совета 32/13 от 1 июля 2016 г. [Резолюция... 2016], главное внимание сосредоточено на обеспечении следующих прав человека и различных категорий лиц (индивидов, женщин, детей, девочек): 1) права на свободный доступ к информации; 2) права на свободу выражения мнения; 3) права беспрепятственно придерживаться тех или иных взглядов; 4) права на неприкосновенность частной жизни; 5) права на свободу ассоциации. В целом речь идет о расширении доступа к Интернету в силу его особой роли в целях развития, о решении проблем цифровых разрывов, пропаганды ненависти, безопасности в Интернете. В этих резолюциях риски недостоверности информации не находят отражения. Но уже в резолюции Совета ООН по правам человека 47/22 от 7 июля 2021 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» [Резолюция... 2021] о них прямо говорится, однако в контексте озабоченности по поводу развития тренда установления ограничений в Интернете. В резолюции осуждаются блокировка Интернета, онлайн-цензура, ограничения информационных прав лиц в Интернете. Поэтому в вопросе о принятии правительствами мер против дезинформации, дискриминации, вражды и насилия прежде всего указывается на то, что при этом «не следует упускать из внимания международные обязательства по правам человека. Доступ в Интернет должен быть открытым, надежным и безопасным» [Там же].

Много вопросов возникает по поводу реализации права на свободу мнений в случае репоста, рерайта информации, дословного воспроизведения информации, опубликованной иным лицом, участия в ее распространении интернет-посредников. И особенно актуальна эта проблема в случае распространения недостоверной, клеветнической, запрещенной и иной «токсичной» информации. Речь идет о, скажем так, ответственности за чужое мнение или своего рода праве на свободу воспроизводить мнение иного лица. Считается, что такое право у индивида есть, но признается за ним при условии: 1) проверки законности получения информации, ее достоверности; 2) наличия сведений об источнике информации; 3) выдержанной тональности комментариев, исключающей уничижение, оскорбления и т. п. Что касается ответственности, то она предполагается при несоблюдении настоящих условий, и является более строгой в случае использования возможностей Интернета для распространения непроверенного мнения неустановленного лица во вред иному лицу. В том же случае, когда лицо располагало данными о неправомерном характере информации, вполне уместна постановка вопроса об умышлен-

ном распространении заведомо недостоверной и иной информации, причиняющей вред.

В условиях свободного движения и накопления информации расширяется практика применения права на удаление. Кроме защиты от недостоверной, неактуальной либо незаконно распространяемой информации, правом на удаление защищаются (в частности, в ЕС) персональные данные, право на уважение частной жизни [Антопольский 2019]. Развитию этого права способствует и наличие большого числа баз данных, формируемых в разных формах и разными субъектами с волеизъявления лица или без него. В особой мере это касается функционирования государственных информационных систем (ГИС). В этом случае любое лицо не только имеет право потребовать исключения из ГИС информации недостоверного и неактуального характера, но и оспорить «законность действий государственного органа, выразившихся во внесении в ГИС недостоверной информации (или его бездействия, выразившегося в непринятии мер по актуализации устаревшей информации)» [Амелин 2017: 459–460]. Следовательно, в данном случае праву на удаление корреспондирует обязанность вносить, хранить и предоставлять достоверную и актуальную информацию. Ее неисполнение порождает наличие у лица права на возмещение вреда, причиненного распространением недостоверной информации. Таким образом, правом на удаление обеспечивается право индивида на сбор, хранение и распространение достоверной информации о нем, на правомерность комментариев и использование персональных данных.

При всей важности для успешности общественного и индивидуального развития в мире цифры полноценной реализации информационных прав именно право индивида на объективную, достоверную информацию приобретает все более актуальный характер с точки зрения реализации его интересов в сфере независимости и безопасности. Их, равно как и само разнообразие независимых взглядов, суждений, позиций, следует поставить под сомнение в условиях действия таких факторов, как системный характер и мультипликативный эффект информационных потоков, наличие широчайших возможностей создания информационного продукта любого содержания и его передачи с помощью множества источников неограниченному кругу лиц. Современные цифровые технологии массивного воздействия и информационного давления многократно ускорили процесс формирования стереотипов, трендов, модных веяний и их смены. Сложно говорить о реальности свободы выбора (мировоззренческой, потребительской, поведенческой) еще и в силу многоликости недостоверной информации, которая возможностями цифровых технологий множится, вплетается в ткань информационного потока и оказывает влияние в той же мере, что и информация достоверная. Экстерриториальность информации актуализирует проблему межгосударственного и международного сотрудничества в противодействии вредоносной информационной экспансии. Однако, как ни парадоксально, в условиях многоаспектной глобализации и растущей взаимозависимости многочисленные субъекты международных отношений все больше ориентированы – и это доказала пандемия коронавируса – решать проблемы крайне эгоистическим способом. «Они любой ценой отстаивают собственные интересы, тогда как нет никакой внешней силы, которая была бы способна заставить их действовать с учетом интересов не только своих, но и других, тем более общечеловеческих» [Чумаков 2020б: 84]. Более того, цифровое

и информационное преимущество активно используется для защиты и продвижения именно собственных интересов, идеологий, практик. «В условиях глобальной мобильности и планетарной системы коммуникаций, к тому же при широком использовании медийных и информационных технологий», уже не составляет труда раздуть пожар цветных революций и осуществить смену «власти и без насильственных действий» [Чумаков 2020б: 85]. И здесь использованию информации в целях оказания воздействия на индивидуальное, коллективное и массовое сознание, на формирование поведенческих стереотипов придается особое значение.

В такой ситуации неизбежна актуализация запроса на независимость и безопасность в самом широком смысле этого слова. Введение правового понятия фейка, уголовной ответственности за отрицание результатов Второй мировой войны и роли в ней СССР, административной и уголовной ответственности за распространение фейков об эпидемии коронавируса, о специальной военной операции на Украине свидетельствует о понимании и признании опасности распространения и утверждения в индивидуальном и общественном сознании ложной информации, конструирования и внедрения ложных посылов, в том числе с использованием цифровых технологий. Возросший запрос на независимость, безопасность, идентичность, правдивость продиктован кардинальными изменениями геополитической картины мира, сменой идейных парадигм. Реабилитирован патриотизм – и в первую очередь как ценностный (конституционный) патриотизм, основанный на национальной идентичности, признании национального достоинства в качестве объединяющей силы. Все большее распространение получают идеи неоконсерватизма и концепции конституционной идентичности, позволяющей активно противостоять экспансии наднациональных механизмов регулирования. Наметившийся запрос на сильное государство значительно возрос в условиях пандемии и постпандемии. Она показала, что в современных реалиях деградации качества международного и межгосударственного сотрудничества решение проблем вплоть до мирового масштаба во все большей степени предопределяется наличием у государства собственного экономического, политического, идейного, социального потенциала. Внесенные в марте 2020 г. в Конституцию РФ изменения стали своевременным откликом на востребованность в обществе всех выше-названных тенденций в их совокупности: укрепить государственные основы, суверенитет РФ, ее независимость, придать непреходящую ценность историко-культурному наследию страны, отдать должное ее опыту государственно-правового строительства. Таким образом, главным юридическим трендом последних лет мы бы назвали придание правотворчеству и правореализации ярко выраженной социально-ценностной направленности: право постепенно превращается в «ценностно-ориентированный социальный феномен» [Еникеев 2006: 46], что и предрекали российские правоведы еще в начале XXI в. Именно такой ценностью должна стать достоверность информации.

Итак, объективность и достоверность, столь необходимые качества информации для реализации информационных и иных прав индивида, в наши дни оказываются под постоянным давлением множественности стандартов, видоизменения действительности, размытости трактовок, двусмысленности интерпретаций, неточности слов, значений. Всякого рода отступления от истины под видом высказывания собственной точки зрения, информация, содержащая искаженные факты вплоть до публичной лжи, множатся и накапливаются возможностями цифровых

технологий. И никто не может предсказать, в какие потоки информации стекается подобное разнообразие неправды и как это может быть использовано со временем. Индивид все больше находится в окружении «умных технологий» бесконтактного характера, множества различных мультимедийных ресурсов, что ведет к значительному росту объемов собираемой, анализируемой и используемой информации и имеет своим следствием деградацию содержания конфиденциальности и приватности в их привычном понимании. Существование индивида становится все более «прозрачным» в том числе и по причине превращения данных в товар. Парадоксальность ситуации заключается в том, что в условиях бума «умных технологий» индивид, пользуясь несомненными преимуществами современных технологий, тем не менее никоим образом не может повлиять на содержание собираемой о нем информации, проверки ее на достоверность и актуальность, на сам процесс сбора, хранения, распространения информации о нем. Поэтому проблемы обеспечения информационной безопасности становятся все актуальнее. Реальность такова, что в виртуальном пространстве, в пространстве информации индивид куда более уязвим и куда менее защищен. Причина в том, что оперирование информационными массивами осуществляется без опережающего технологического и юридического обеспечения, их проверки на предмет достоверности и актуальности и без обеспечения IT-безопасности. Широкое распространение недостоверности обусловлено в том числе резким снижением регулятивной роли морально-нравственных устоев. В такой ситуации необходимость активного вмешательства права – неизбежное следствие, равно как и различные варианты ограничения права индивида на свободу в сфере информации в целях обеспечения индивидуальной и общественной безопасности. Однако о качественном правовом регулировании можно вести речь лишь при наличии общепринятой правовой концепции, отражающей особенности формирования социальных, культурных, экономических отношений в киберпространстве, и разработанности четких правовых категорий, их отражающих. Одной из них должен стать принцип достоверности информации, имеющий универсальный и всеобъемлющий характер и включающий в себя все то, что отрицает элемент искусственности, подделки, модификации. Масштабность угроз недостоверности позволяет утверждать, что становление права индивида на достоверную информацию – вопрос ближайшей перспективы. Для полноценной реализации права индивида на достоверную информацию необходима целостная система механизмов – общественно-политических, социально-нравственных, правовых, информационно-технологических. На данный же момент наиболее продуктивными механизмами защиты от недостоверной информации являются право на удаление и правовой институт защиты от вредоносной информации («безопасность от информации»).

Литература

Алферова Е. В. Защита прав человека в Интернете // Государство и право в новой информационной реальности: сб. науч. трудов / отв. ред. Е. В. Алферова, Д. А. Ловцов. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 143–157.

Амелин А. В. Презумпция достоверности информации в государственных информационных системах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17. Вып. 4. С. 458–462.

Антопольский А. А. Права человека в Интернете: практика Европейского суда по правам человека // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 2. С. 159–185.

Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М. : Логос, 2010.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. М. : АСТ, 2020.

Еникеев З. Д. Исследование проблем правовой защиты общечеловеческих ценностей как одна из важных задач российской юридической науки // Российский юридический журнал. 2006. № 1. С. 45–49.

Камю А. Счастливая смерть: Роман, повести, пьеса. М. : ЭКСМО Пресс, 2000.

Кравченко С. А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения: учеб. пособие для студентов, аспирантов, преподавателей вузов по курсу «Общ. социология». 2-е изд., перераб. и доп. М. : Экзамен, 2004.

Конституция Республики Беларусь от 30 марта 1994 г. (с изменениями, принятыми на референдумах 1996, 2004 и 2022 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 10.03.2023).

Пыхтина Т. Ф. Истина как социальная значимость (пути постмодерна в трактовке познания // Вестник НГУЭУ. 2012. № 3. С. 289–294.

Резолюция Совета ООН по правам человека 32/13 от 01.07.2016 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете». URL: <https://www.refworld.org/ru/pdfid/57e9166b4.pdf> (дата обращения: 12.02.2023).

Резолюция Совета ООН по правам человека 32/14 от 27.06.2017 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» [Электронный ресурс]. URL: https://spring96.org/files/misc/hrc-resolution_-human_rights_on_the-internet-ru.pdf (дата обращения: 12.02.2023).

Резолюция Совета ООН по правам человека 32/14 от 07.07.2021 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G21/173/56/PDF/G2117356.pdf?OpenElement> (дата обращения: 12.02.2023).

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 14.07.2022 г.) // СЗ РФ от 31.07.2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.

Чумаков А. Н. Глобалистика в контексте современности: испытание пандемией // Век глобализации. 2020а. № 3. С. 3–14.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные различия как источник конфликтов в современном мире // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Педагогика. Психология. Философия. 2020б. № 3(19). С. 83–91.